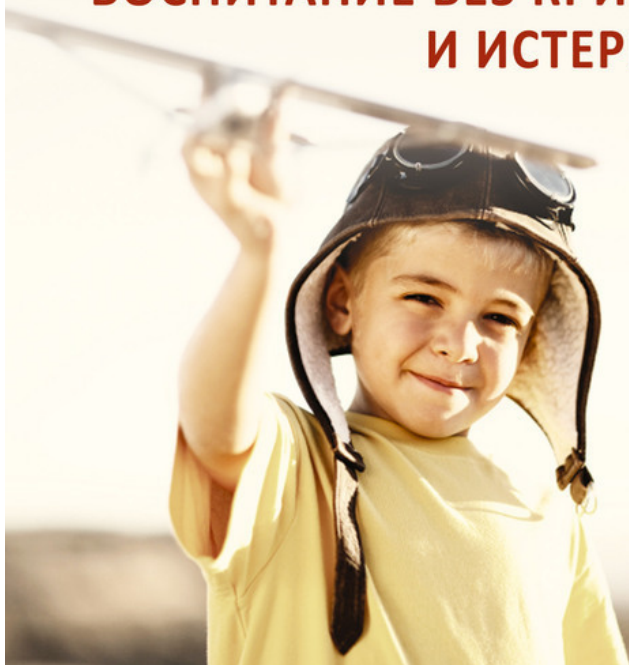

Леонид Сурженко

КАК ВЫРАСТИТЬ ЛИЧНОСТЬ

ВОСПИТАНИЕ БЕЗ КРИКА
И ИСТЕРИК

Леонид Анатольевич Сурженко
Как вырастить
Личность. Воспитание
без крика и истерик
Серия «Вы и ваш ребенок (Питер)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=585305

Как вырастить Личность. Воспитание без крика и истерик: Питер;

СПб.; 2011

ISBN 978-5-49807-894-6, 978-5-496-00315-5

Аннотация

Родившийся малыш подобен зернышку. В нем заложено всё. Но прорастет ли оно? Вырастет ли из него красивое, цветущее и плодоносящее растение? Разовьются ли в полной мере способности? Это зависит от родителей. В книге Леонида Сурженко затронуты самые важные и «болезненные» вопросы воспитания. Родители узнают, как воспитать здорового, счастливого, умного, креативно мыслящего человека. Издание поможет и родителям стать интересными для своих детей, сформирует их авторитет в глазах ребенка. Ведь дети – это самое важное вложение наших сил, души, времени и денег!

Содержание

Введение	4
Глава 1	9
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Леонид Анатольевич Сурженко Как вырастить Личность. Воспитание без крика и истерик

Введение

Вы говорите:

– Дети нас утомляют.

Вы правы.

Вы поясняете:

– Надо опускаться до их понятий.

Опускаться, наклоняться,

сгибаться, сжиматься.

Ошибаетесь.

Не от этого мы устаем.

А оттого, что надо подниматься

до их чувств. Подниматься,

становиться на цыпочки, тянуться.

Чтобы не обидеть.

Януш Корчак. Когда я снова стану маленьким

Эта книга не для детей. Хотя и про них. И даже некоторые ее фрагменты написаны от имени ребенка. Эта книга – для взрослых. Не для всех взрослых. Для взрослых, которые стали (или хотят стать) РОДИТЕЛЯМИ. Именно так: РОДИТЕЛЯМИ. Людьми, РОДными своему ребенку. Людьми, которые его любят и понимают. Или пытаются понять. Или, по крайней мере, хотели бы понимать. Если этого желания нет – не читайте эту книгу. Она просто не поможет вам. Как и другие издания, семинары, лекции и прочая умная информация.

Эта книга написана для взрослых. Дети, как правило, учатся языку взрослых и очень скоро усваивают его. Дети вынуждены приспособливаться к взрослым, как слабый вынужден приспособливаться к законам сильного. А вот мы, взрослые, напротив, забываем язык детства, потому что детство прошло и его категориями мы уже не мыслим. А язык детства иной. Иной, как само детство. И, чтобы понять ребенка, мы должны вернуться назад, в забытое далеко. Вернуться туда, откуда мы все пришли, – в детство.

Дети учатся говорить рано. К годику они уже что-то лепечут, подражая взрослым, а к двум-трем – вполне сносно изъясняются, пусть и с помощью «переводчика», которым чаще всего является мама. Конечно, это еще не взрослая речь, и зачастую понять, что до вас хочет донести малыш, не так уж и просто. Но мы – люди взрослые, трудностей не боимся и

некоторый опыт в жизни имеем, поэтому детский лепет для нас не является препятствием в общении. *Сами такими были.*

А уж когда ребенок подрастет – так и вовсе проблемы исчезают: говорит наше чадо уже хорошо, язык у нас общий и, как следствие, трудностей во взаимопонимании быть просто не должно.

Но они есть.

Причем понять, что же говорит нам ребенок, как раз не сложно. Но вот вопросов «Почему?», «Отчего?» и «Что делать?» при этом меньше не становится.

Зачем, собственно, нужна книга, которая не обещает дать вам ответы на важные жизненные вопросы? Более того, гарантирует возникновение новых? Да, никакая книга не научит жить, потому что научиться жить по книгам нельзя. Как нельзя по книгам воспитывать ребенка. В воспитании нужен опыт, а опыт приходит с практикой. Правило при этом простое: хочешь чему-то научиться – нужно это делать. Даже в таких вроде бы чисто теоретических вещах, как воспитание, на самом деле все решает только практика. И как раз в воспитании именно практика порождает теорию, а не наоборот.

Только вот чтобы в чем-то практиковаться, нужно знать, как это делать. Эта книга как раз и подсказывает пути, по которым можно куда-то добраться. *А уж идти придется самому.*

Данное издание не о воспитании. Хотя, конечно, вряд ли

возможно писать о детях и совсем не иметь в виду воспитательные действия. Эта книга также не о психологии. Хотя, опять-таки, психология присутствует даже в учебнике по высшей математике. Данная книга – просто пример, иллюстрация, варианты общения с ребенком, предложенные автором. Кому-то эти варианты покажутся знакомыми, кому-то – любопытными. Может быть, кто-то найдет их не стоящими своего внимания или даже неприемлемыми. Все может быть. Но в любом случае это издание будет полезно и тем и другим. Потому что хорошо, когда есть выбор. Намного хуже, когда его нет совсем.

Глава 1

И чего им еще надо, или Ох уж эти детки...

Я не знаю и не могу знать, как неизвестные мне родители могут в неизвестных мне условиях воспитывать неизвестного мне ребенка, подчеркиваю – «могут», а не «хотят», а не «обязаны»...

...Я хочу, чтобы поняли: никакая книга, никакой врач не заменят собственно зоркой мысли и внимательного наблюдения.

Януш Корчак. Право ребенка на уважение

Когда мы только планировали ребенка, я была уверена, что буду хорошей матерью. Я думала, что у меня с моим сыном или дочерью будет полное взаимопонимание – хотя бы потому, что я буду его любить. Ведь ребенок-то будет желанный...

Сразу забеременеть как-то не получалось, два года прошло – и ничего. Никаких детей. Конечно, тревожились оба: и я, и муж. Но что тут сделаешь? У многих не получается сразу. Вроде бы начали налаживать жизнь, у меня на работе появились перспективы, беременность как-то отошла на задний план. Решили: когда получится, тогда и лад-

но. А получилось, как это часто бывает, как-то не вовремя. Только-только меня выдвинули на начотдела, как это случилось. А у нас кредиты, только что переселились в новую квартиру, а это, сами понимаете, ремонт, нервы. Да и неудобства большие. Денег хватало как раз, чтобы все кредиты выплатить да нам с мужем прокормиться. А еще «Фольксваген» наш, с этими ценами на бензин-ремонты знаете, сколько уходило? А тут – ребеночек. Сынишка. Нет, конечно, мы были рады. И муж тоже – сын ведь. Только вот как-то немного не вовремя. Нежданно.

Родила. Трудно было, как-никак – первенец. Никогда бы не подумала, что рожать – это такое испытание. Но родила. Сама.

Отлежала положенную неделю в больнице. Первую с ребенком неделю. Правда, не последнюю, как хотелось бы. Думалось: поскорее бы домой. Стены эти больничные надоели ужасно. Диета роддомовская. Постель казенная. Домой хотелось. Выписали. Оказалось, эта неделя в роддоме – самой легкой была. Там что: принесли ребенка – покормила – унесли. А теперь он на руках постоянно. И понеслось: памперсы – пеленки – стирки – бессонные ночи – бутылочки – смеси. И плач – постоянный, как мне тогда казалось. Утром. Днем. Вечером. И самое страшное – ночью. Ждала чего-то другого: умиления, улыбочек, загадочного материнского счастья... Нет, это тоже было. Но большие – усталость, желание спать и спать, раздражение, растерянность, чув-

ство полного бессилия и своей несостоятельности. Постоянно давило чувство, что я – никудышина мать. Что у других как-то все идет как надо и только я не приспособлена быть матерью. Большие всего портила настроение невозможность понять своего ребенка. О чем-то догадывалась, но большую часть действовала наугад, методом подбора. Плачет? Давай по порядку: поменяй памперс, возьми на руки, дай грудь... Что-то да поможет.

Но время шло. Я привыкала. Что-то понимала сама, что-то подсказывали мама, подруги, знакомые. Где-то помогал муж. Думалось: вот подрастет, научится говорить – тогда уж точно будет легче. Потому что не нужно будет догадываться – сам скажет.

Подрос. Научился говорить. Действительно, стало легче. Проще, что ли. Начали понимать друг друга. Казалось, чем дальше, тем все будет лучше. И вот ему уже тринадцать. И, как оказалось, все не совсем так. Или даже совсем не так.

Что тут удивительного? Во время беременности ребенок и мать – одно целое. Затем их дорожки постепенно расходятся...

А теперь уж не знаю, кто ему ближе – я или друзья. Раньше мы с ним болтали часами, все мне рассказывал: и что на улице видел, и что в садике было, и с кем подрался, и что болит. А теперь... иногда мне кажется, что это совсем не мой сын. Чей-то чужой. Как дела? Все нормально. Как в школе?

Как обычно. О чем задумался? Да так, ничего.

Даже не знаю, как быть. Понимаете, вроде мы не чужие в доме. Все вроде бы нормально. Разговариваем. Вместе за одним столом сидим. Только это уже не то. Не чувствую я сына, как когда-то. Конечно, люблю я его, как и раньше. А вот кто для него я – непонятно. Может, это я виновата? Не так воспитала? Чего-то недодала? Где-то недоглядела?

Может быть. А может быть, дело вовсе не в маме. Ребенок растет. Детство – это тренировочная площадка, подготовка к вступлению во взрослую жизнь. Это период, в течение которого ребенок учится ходить сам – и в прямом, и в переносном смысле. Сначала он держится за мамину юбку, затем делает первые шаги самостоятельно. Все более уверенные. Все дальше от родителей. Он познает мир. Он узнает, что в мире, кроме мамы и папы, есть еще люди. Он ищет опору не только у родителей, но и во внешнем мире – сначала у бабушек-дедушек, затем – у воспитателей, учителей, друзей. Мама перестает быть единственной опорой и защитой в этом мире. Хотя до конца его дней она будет самым близким человеком в его жизни (правда, это главным образом зависит от самой мамы).

Маме обидно – сын стал более далеким. Они меньше общаются (дело в том, что у него уже есть друзья и свой круг общения), он уже не спешит делиться своими радостями и печальями (и это признак взросления), у него есть свои секреты (а значит, его жизнь перестала быть простой и понятной, и это – хороший знак).

А потом он знакомится с девочкой. И это будет настоящим ударом, потому что с этого момента в сердце матери вспыхнет неугасаемая тревога – вот она, та, которая заберет, уведет из дома, заставит забыть мать... Даже если этой девочке еще только двенадцать лет. Даже если они просто держатся за руки, возвращаясь из школы домой.

Но один из самых страшных страхов – это страх, что ЕЕ ребенок выходит из-под контроля. Это страх нестабильности, неизвестности. Много усилий было потрачено на то, чтобы ребенок стал воспитанным, послушным, управляемым. И вот на тебе: вырастает. Вырастает не только из своих детских одежд, но и из той узды, которую любовно и долго накладывали родители. Становится более САМОСТОЯТЕЛЬНЫМ. Уже больше РЕШАЕТ САМ. А что он может решить? Он все еще ребенок...

В очередной раз мама (или папа) задумываются, что их ребенок – это совершенно иное, непонятное существо. Со своим характером. Со своими желаниями. Со своими взглядами на жизнь. Это другой, самостоятельный человек, с которым приходится считаться. И не помогают никакие заклинания типа «У него твой характер», «Она – вылитая ты». Потому что это – лишь надежда на то, что все будет просто и гладко. Не будет. По крайней мере, не должно быть.

Иногда мне кажется, что нам уже не о чем говорить. У него какие-то свои интересы, он занимается какими-то

непонятными вещами — я в этом даже не разбираюсь. Нет, мое поколение действительно было другим. Когда-то это мне говорила моя мама, но я совсем не воспринимала ее слова. Как она могла помнить, какой она была двадцать лет назад? Все ведь так говорят. Но эти дети — действительно другие. Не только потому, что часами просиживают у компьютера или слушают какой-то немислимый рэп. Другие... Потому что думают по-другому, что ли? Или потому, что более наглые, ничего не боятся, у них нет никаких авторитетов... И ни о чем не мечтают. Разве что о классной машине да крутом компьютере... Нет, правда, разве мы такими были? Его прихода из школы иной раз жду с ужасом: о чем мы будем говорить? Будем ли вообще о чем-то говорить, или он опять отмахнется своим: «Да все нормально, мам, нет проблем». Единственная проблема, которой он со мной делится, это когда ему нужны деньги. Да разве в мое время это был насущный вопрос? О деньгах и говорить как-то неудобно было. Да и вообще: разве ребенок должен задумываться о деньгах? Разве деньги могут быть главным его интересом?

Детство моего отца проходило в драках. Так было заведено: район на район. С палками да цепями. Что поделать: послевоенное поколение. Мои одноклассники любили «войнушку» и с упоением играли на марки. Именно играли: кто больше «набьет» марок. Нынешние гоняют на «горняках» или роликах да сутками геймятся

в компьютерных клубах. Декорации, как говорится, меняются. А вот суть остается – играют, как и играли. Даже если вместо марочек в руках – настоящие деньги.

Очень упрямый стал. Если уж поссоримся, ни за что не подойдет первый. Раньше, когда маленький был, прощения первый просил. Теперь – никогда. Такой недоступный становится, прямо страшно. И в кого только такой? И слова ему не скажи – прямо так и насунится, а то и из дома уйдет и до позднего вечера будет во дворе шататься, пока его не упросишь домой вернуться. Вот уж действительно – детки пошли... Гордые такие. Или ему, правда, на мать наплевать?

И не то и не другое! Конечно, дети бывают разные. Однако, как правило, ребенок воспринимает человеческие отношения буквально. Если веселиться, то веселиться. Если ссориться, то ссориться. Наше обыденное отношение к ссорам детям просто непонятно. Ребенку трудно понять, что эмоции взрослых нечасто бывают искренними. Что недовольство матери – это всего лишь временная вспышка раздражения. Ссора с родителями (причем даже иногда и в подростковом возрасте) воспринимается ребенком как вселенская трагедия. Рушится опора, на которой держится мир – его мир. Ребенок чувствует, что он внезапно стал нелюбимым, что самые близкие люди вдруг его покинули. Пережить такое нелегко. И подойти первому,

попросить прощения в данный момент становится почти невыполнимой задачей. Слишком многое зависит от этого разговора. **А вы легко решаетесь на серьезный разговор?**

К школьному психологу ходила. Молодая такая девочка, сама еще ребенок. Но очень начитанная. Долго со мной беседовала, даже какие-то тесты показывала. И сказала, что я уделяю ребенку мало времени. Нет, оно, конечно, может, и так. Мне же на работу надо, и по дому сколько всего за день сделать... Раньше уроки еще с сыном каждый вечер делала, а теперь я в этих уроках уже сама понимать перестала. Да и не хочет он, чтобы ему помогали. Совсем не хочет. Вот психологиня эта говорит: больше уделяйте внимания. Это я внимания ему мало уделяю? Да около него целый день только и танцую... «Сыночек, может, этого хочешь?»... «А чего такой грустный?»... «А что тебе на день рождения купить?»... «А как дела в школе?»... Да и как больше уделять-то, если он сам не хочет? Если теперь ему друзья интереснее, чем родная мать? С ними-то он больше времени проводит. А начинаешь у него что-то выяснивать – так он старается отвяжаться от меня быстрее. Вот и попробуй «уделять больше внимания».

СТОП!

Сейчас мне хотелось бы открыть страшный секрет – основной принцип практической психологии. Он несложен. И формулируется примерно так: **чтобы**

понять другого, просто поставь себя на его место. Очень просто, не так ли? Не нужно думать о каких-то особенностях детского восприятия, не нужно забивать голову какими-то данными и тестами. Вообще не нужна никакая наука. Просто подумайте, как в такой ситуации поступили бы вы.

Не пытайтесь войти в образ ребенка. Этого не требуется. Не так уж дети отличаются от взрослых, как это нам порой представляется. Вот конкретная ситуация: мальчик-подросток просто не хочет общаться с матерью. Причины пока не важны: нас интересует реакция мальчика на действия матери, если она воспримет совет психолога всерьез. То есть начнет уделять сыну **ЕЩЕ БОЛЬШЕ** внимания. В переводе на бытовой язык: **станет больше маячить перед глазами.** Как бы и этого хватало с избытком, раз уж общаться и так не хочется... И вдруг предлагается **еще больше...** Ну и какова будет реакция?

Вообще в семье, где царит взаимопонимание, родители и дети искренне рады видеть друг друга и охотно общаются между собой. Хотя опять-таки – не всегда. Исключения бывают и здесь. Человек – не машина. Иногда ему просто необходимо побыть одному. Но благополучные семьи нас не интересуют – им незачем читать мою книгу. Они сами должны писать книги. Нас же интересует ситуация, когда с общением возникают проблемы. Когда родители живут своей жизнью, а дети – своей. И эти жизни пересекаются лишь формально. Когда ребенок с радостью бежит из дома

к друзьям, в компанию, просто на улице... Лишь бы поменьше видеться с «предками». Здесь ситуация уже сложная. И дело вовсе не в том, что родители «плохие». Просто они не знают, как общаться. Их не учили. Или учили, но не тому. И прежде чем указывать, как «надо» поступать (а этого как раз я делать не стану, ибо глубоко убежден, что никаких аксиом и гранитных скрижалей, где написаны «правильные» советы, не существует), давайте разберемся в том, чего делать НЕ НАДО.

Есть такая китайская байка: один ученый попросил у буддиста обучить его науке дзэн. Тот в ответ на просьбу просто продолжал наливать в чашку чай, не замечая, что кипяток льется уже через край. Когда возмущенный профессор указал ему на это, буддист невозмутимо ответил:

– Вот и твоя голова, как эта чашка, полна твоих знаний. Я ничего не смогу туда вложить, пока не вылью то, что там уже есть...

Я не буддист. И никого не призываю отбросить все, что нажито многолетним опытом. Я просто предлагаю посмотреть на мир в целом и отдельную ситуацию в частности с новой позиции. Только и всего.

Итак, ребенок не хочет общаться. Так почему бы не предоставить ему возможность избавиться от этого общения? Это же не так сложно. Просто по старайтесь **не приставать** к нему с вопросами, **не лезть к нему с советами**, когда он этого не просит, и **не навязывать** свое общество без особой нужды.

Предвижу следующий вопрос: а как же – вообще не

общаться? Демонстративно уходить, как только ребенок появится в поле зрения? Молчать, как юный партизан на допросе? Конечно, нет. Это будет глупой эскалацией конфликта. Нужно просто установить своеобразный «пост на общение». А общаться надо. Но только тогда, когда сам ребенок подойдет с вопросом или с проблемой.

Внимание! Подобный «пост на общение» используется только в том случае, когда ребенок действительно не хочет вас видеть, когда вы «закормили» его своими вопросами, вниманием, навязчивым интересом. Если причина конфликта не в этом, такое средство не подойдет и даже может здорово накалить обстановку. Постом лечат от переедания, а не от голода. Эти состояния совсем не похожи, не правда ли?

Раньше все вместе делали. Конструктор не может собрать – бежит ко мне: «Мама, помоги». Пуговицы застегнуть не получается – опять к маме. Уроки слишком трудные – тоже вместе писали. Во всем помогала. Даже если времени не было, старалась помочь. Может быть, и перестаралась, раз теперь он совершенно не хочет моей помощи. Нет, конечно, с уроками я ему помочь уже не могу. Им теперь такое задают, что мне еще один институт заканчивать придется, чтобы эти логарифмы решать. Но ведь не уроками-то одними живет! А вот пробую ему в чем-то помочь, так он недоволен: «Мам, не мешай!», «Мам, я сам!».

«Мам, ну чего ты лезешь»... Обидно как-то. Вижу ведь: ну не всегда у него получается как надо. Вот так и быстрее было бы, и лучше. Так нет ведь, и слушать не хочет...

Вспомним-ка основное правило психологии: примерь на себя шкуру другого. Вам бы понравилось, когда кто-то ни с того ни с сего принялся бы вам помогать? Смысл подобного действия в большинстве своем воспринимается не иначе как признание другим нашей неполноценности – мол, сам не справляется, нужно помочь тебе, убогому... Нет-нет, помогая другому, вы можете иметь в виду совершенно иные мотивы. Очень возможно, что у вас и в мыслях подобного нет. Речь идет о том, как воспринимает помощь тот, которому мы помогаем без спросу. Нас не просили, а мы помогли. Вот какие мы хорошие... Дети же воспринимают все острее.

И опять-таки вопрос: так что, не помогать? Да, не помогать. Если не просит. Неважно, сколько ребенку лет – четыре или двенадцать. И обязательно помочь, если ребенок об этом попросит.

Что бы я ни сказала – что-то не то получается. Потому что по глазам вижу, по поведению – ждет чего-то другого. Хотя вроде бы все перепробовала: и о школе спрашиваю, и советую, как поступить, и неприятностям его сочувствую... Но вот раньше как-то по-другому он реагировал. Взаимопонимание было, что ли... А теперь почему-то и разговаривать особенно не хочет. Так, скажет что-то дежур-

ное – и мигом на улицу. И самое противное, что с друзьями своими всем делится, я слышала. Они когда в его комнате соберутся, много чего интересного услышать можно. И проблем у него много, и разных трудностей – так нет чтобы с мамой поделиться. С друзьями легче, что ли?

Правда, иногда вроде как хочет поговорить. Придет домой, подойдет ко мне и скажет:

– Физичка совсем обнаглела.

Ну, я, конечно, понимаю, что в школе у него неприятности. Спрашиваю, естественно, что случилось. И – верите ли – ничего говорить не хочет. Вот и пойми его!

Или вот недавно тоже говорит:

– Сегодня кросс бегали. У всех пацанов «адидасы», у Славика «Пума» новая.

Ну понятно, что у моего кроссовки не фирменные. Но нормальные же! В его же классе некоторые вообще в кедах бегают... Говорю ему:

– Конечно, у Славика родители какие: мама – в банке, папа магазин держит. Почему бы не покупать «Пуму» хоть каждый день.

Нет, правда, где тут наберешься денег, если за всеми гнаться будешь? За Славиками, за Виталиками, за Андрюшками? Обиделся. А мне что делать?

А вот теперь немного рекомендаций. Насчет того, «что делать». Вернее, как разговаривать с ребенком.

В первую очередь давайте выясним, а чего ждет ребен-

нок, когда обращается к взрослому. Наверное, того же, чего ждет взрослый, когда жалуется на жизнь другому взрослому. Он ждет **понимания**. И **сочувствия**. *Сочувствия*. Слово это расшифровывается примерно так: «со» – вместе, «чувствие» – чувствовать. То есть чувствовать вместе, разделить твоё чувство. Понять тебя.

Вот это и требуется: чувствовать вместе. Вот ребенок подходит к нам и рассказывает о том, что случилось в садике, в школе или на улице... Как правило, это не просто описание события, это – зашифрованная эмоция, которая требует, чтобы ее разделили. С самым близким человеком.

Большинство родителей это понимают. Или чувствуют интуитивно. Однако понимать, чего хочет ребенок, вовсе не означает умения дать ему это. В самом деле, а как мы покажем, что действительно понимаем его?

Вот это как раз несложно. Нужно просто озвучить его чувства. Несложно догадаться, что чувствует пятилетний ребенок, когда подходит к вам с фразой:

– Мама, я больше не буду дружить с Сережкой!

Конечно, это обида. Ребенок жалуется на то, что его обидели. А теперь предложите свои варианты ответа. Не спешите, подумайте хорошенько. Пока время есть. Когда ребенок к вам подойдет, времени на раздумья не будет. Придется отвечать сразу и точно, иначе получится, что вы просто от него отмахнулись. А это – шаг к непониманию.

Как, созрели ответы? У меня, например, есть несколько

заготовок.

– Ну и правильно, он плохой мальчик!

– А что случилось?

– Сколько раз тебе говорить, не водись ты с этим Сережкой!

– А ты не жалуйся, а то сейчас ябедничать начнешь!

– Доченька, будь умнее, уступи ему. «Не дружить» ты всегда успеешь.

– Небось, опять тебя за косу тягал? А не надо было дразниться!

– Ну, «больше» можешь не дружить, дружи немножко «меньше».

Казалось бы, замечательные ответы. Уверен, что среди них есть и ваш ответ (или, по крайней мере, похожий). Спешу обрадовать: эти ответы психологически безграмотны. Вместо того, чтобы снять у ребенка напряжение, разделить его чувства, они лишь отталкивают его, отбивают желание общаться дальше. Давайте проанализируем ответы и их соответствие нашей задаче. Задачу-то мы еще помним? Показать на словах, что мы сочувствуем ребенку. Что мы понимаем его чувства. Итак, первый ответ.

Ну и правильно, он плохой мальчик. Сочувствие тут вроде бы и есть, однако не будем спешить с выводами. Не нужно путать *оценку с сочувствием*. «Правильно» или «неправильно» – это наша оценка. Мы не столько одобряем поступок ребенка (как раз одобрять-то тут нечего), сколько

оцениваем его. С нашей колокольни. Не подходит такой ответ, в корзину его!

А что случилось? Вроде бы удачный вопрос. Мы угадали, что произошло нечто малоприятное для ребенка, раз уж он обращается к нам. И, естественно, желаем знать больше. По крайней мере, высказываем свой интерес к проблеме, не отшучиваемся и не отфутболиваем ее назад. Но где здесь разделение чувств? Где понимание эмоций ребенка? Это всего лишь проявление любопытства, пусть и из самых лучших побуждений. А любопытство к чужому несчастью (пусть и к несчастью своего ребенка) далеко не всегда приносит успокоение страдальцу. Нет, не вариант.

Сколько раз тебе говорить... Ох, частая реакция. И приказ, и угроза. И даже указание на то, что наш ребенок – бес-толочь: в который раз наступает на одни и те же грабли. Вряд ли это похоже на сочувствие, так что – без комментариев. Однозначно – в мусорку!

А ты не жалуйся... Тут уж сразу обвинение в ябедничестве. Какое уж тут сочувствие... Туда же.

...Будь умнее, уступи... Совет не так уж плох, но ведь это совет, верно? «Советовать» и «сочувствовать» – это разные вещи. Не то...

Небось, опять тебя за косу тягал? Немалый родительский опыт позволяет делать такие смелые предположения. Только независимо от их истинности подобные догадки – это вовсе не сочувствие. Так что чревовещание лучше оставить

при себе, нам оно пока не поможет.

Ну, «больше» можешь не дружить, дружи немножко «меньше». Ответ отлично прошел бы в КВН, только у нас задача другая: не рассмешить, а посочувствовать. Поэтому, несмотря на то, что сам ответ вызывает улыбку, в качестве эталона он не годится.

Так что же тогда? Надеюсь, кто-то из вас вовремя сориентировался и выстроил свой альтернативный ответ. Ответ, который действительно показывает, что мы поняли ребенка и разделяем его чувства. Но для этого мы должны угадать, что он сейчас чувствует. Впрочем, чтобы сделать это, не нужно быть Копперфильдом. Просто посмотрите на выражение лица ребенка – оно скажет нам даже больше, чем его слова.

Как правило, дети обращаются к нам со своими обидами. Наш случай – не исключение.

Поэтому и обозначить в ответе мы должны именно **обиду**. Примерно так:

– По-моему, он тебя обидел.

Или так:

– Да тебе плохо, доченька...

Вот и все. Пока ничего больше не надо. Предвижу вопрос: а где же сочувствие? Ахи и охи? Сюсюканье и ласковые слова? А мы уже посочувствовали, то есть разделили (пусть только на словах) чувства ребенка. Мало? Можно просто тихонько обнять за плечи или погладить по голове.

Слишком простой рецепт? Это он только на словах про-

стой. Попробуйте в жизни применить его, когда в горячке на язык летят все те же штампованные фразы. Тогда и станет понятно, насколько мы привыкаем к *автоматизмам*, насколько трудно нам изменить себя хотя бы в малом.

Между прочим, эффект подобного сочувствия поразительный. Ребенок меняется на глазах – потому что мы, наконец, находим ту «кнопку», которую давно нужно было нажать...

Да! Интонация, естественно, тоже должна быть соответствующей: пусть ваш голос звучит мягко, тепло и душевно. Даже самым красивым словам, сказанным неверным тоном, ребенок не поверит. Ведь дети «читают» не столько слова, сколько интонацию. Нередко ребенок спокойно и даже с юмором переносит прямые оскорбления в свой адрес, сказанные с любовью в голосе, и тут же вскипает от лживой похвалы, сцеженной сквозь зубы.

Однако не так просто освоить это активное слушание, как кажется. Давайте немного потренируемся. Наш первый враг на данном пути – наши *автоматизмы*. Порой нам трудно просто сдержаться, чтобы не ляпнуть что-нибудь привычное, а ведь кроме этого нужно еще придумать, чем заменить эту обыденную реакцию. Поэтому без тренировки не обойтись. *Хотя бы на кошках...*

Итак, ваш восьмилетний сынишка вбегает в дом, вскоченный и взволнованный:

– Ни за что не пойду завтра в школу!

Наши действия?

1. Сдерживать первые попавшие на язык фразы типа **«Я тебе не пойду!»**, **«Что опять натворил?»**, **«Не говори глупостей»** и т. д.

2. Быстренько оценить состояние ребенка и попробовать угадать его основную эмоцию. Обида? Раздражение? Испуг? Усталость? А чтобы гадать не пришлось, просто продолжите разговор, повторив за ребенком его фразу, немного ее изменив: **«Что, не нравится ходить в школу?»** Обычно после такого вступления маленький жалобщик сам расскажет о том, что его волнует. Например, ответит: **«Да вечно там учителя придираются!»**

3. Теперь эмоция известна – это обида за какую-то несправедливость со стороны наставников. Что же, можно готовить следующую фразу вроде **«А, на учителей злишься...»** или **«Обиделся на преподавателей, значит...»**.

Совсем несложно. На первый взгляд. Но это только на бумаге. В жизни приспособиться к такому непривычному стилю общения не так-то просто. И непривычно, и фразы кажутся какими-то искусственными, и задумываться нужно над каждым словом... Словом, не так легко, как кажется. Зато в дальнейшем общении множество проблем решаются сами собой, потому что теперь ребенок не копит в себе негативные эмоции, он их делит с вами. А раз вы его понимаете и принимаете, у него нет повода для истерик, неврозов и капризов.

Но продолжим наш небольшой практикум. Самый простой способ освоить активное слушание – повторять за ребенком его фразы. Разумеется, перед этим их нужно немного модифицировать, иначе такое попугайство ребенок быстро раскусит. И тогда вместо душевного контакта мы получим нечто другое. Статус клоуна, например, или, по крайней мере, весьма странного человека.

Впрочем, если вам нужно время, чтобы собраться с мыслями, весьма неплохим продолжением разговора будет следующий вариант:

– В школу, говоришь, не пойдешь...

Никакого сочувствия мы в данном случае не проявляем, зато показываем ребенку, что мы его услышали. И готовы продолжить разговор. И, будьте уверены, он обязательно расскажет вам о своих неприятностях. Потому что мы **готовы слушать**.

Вообще повтор фразы собеседника, при всей его примитивности, очень эффективный прием. Особенная его прелесть состоит в простоте использования. Согласитесь, гораздо сложнее определить, что чувствует ребенок и адекватно ответить на его эмоцию, чем просто скопировать его последнюю фразу. Тонкость заключается лишь в тоне – если мы будем попугайничать рассеянно, как бы между прочим, то лишь испортим все дело. Не стоит также допускать вопросительной интонации. Вопрос часто интерпретируется как праздный интерес, а не как сочувствие. А вот утвердитель-

ная интонация приветствуется: пусть вы не совсем угадали с эмоцией, но вы демонстрируете, что вы понимаете вашего ребенка. О том, что дословно копировать сказанное крайне нежелательно, я уже говорил.

Еще несколько моментов. Может показаться, что применять какие-то хитрые технологии в общении с ребенком нечестно. Ведь в общении важна искренность, не правда ли? А какая тут искренность, когда каждое слово нужно подбирать, каждую фразу строить? Когда первое время обращаешь внимание не столько на ребенка, сколько на то, что и как говорить. Конечно, это сковывает. Как сковывают костыли того, кто без них прекрасно ходит.

Первые шаги в активном слушании действительно нелегки. Есть и скованность, и некоторая фальшь. И задумываться приходится, и паузы неловкие получаются... Но это первое время. А потом...

Потом случается ЧУДО. Ребенок *открывается* нам навстречу, мы начинаем его *понимать*. И не просто понимать – приходит удивительное чувство близости, единодушия, и наша любовь к нему расцветает новыми красками.

Но для этого нужно постараться. Преодолеть себя. Свою косность, свои привычки, свой лень и инерцию. Хотя бы попробовать.

И в то же время помнить, что активное слушание – это всего лишь один из приемов, применять который нужно только в определенной ситуации. Тогда, когда ребенок нуж-

дается в том, чтобы его выслушали, и в то же время боится, что родители не воспримут его чувства всерьез. Этот способ работает тогда, *когда в семье уже есть трудности общения*. Если же ребенок сам с порога выкладывает все новости, да еще так, что его не остановить, какой смысл его еще подталкивать? Активное слушание – это стимулятор, который используется только по назначению. Постоянное его применение не только не нужно, но и вредно. Ломать ничего не нужно. Пусть ваше общение протекает как обычно. Важно не проморгать ситуацию, когда активное слушание вам понадобится. И воспользоваться им именно в такой ситуации.

В любом случае активное слушание – очень полезный инструмент. И при грамотном применении значительно облегчит вам жизнь. Но существует еще немало методов, которые помогут вам найти общий язык с ребенком. К таким методам, например, относится так называемое **я-сообщение**, а говоря по-русски, сообщение ребенку своих чувств по отношению к его проступку. Причем обратите внимание: именно по отношению к проступку ребенка, но ни в коем случае не к нему самому! Если, конечно, эти чувства – не любовь и нежность. Звучат я-сообщения примерно так.

– **Мне становится страшно, когда я вижу у тебя в руках эти петарды...** (сын только что взрывал во дворе китайские взрывпакеты).

– **Я совсем извелась, пока дождалась тебя домой...** (дочка задержалась на дискотеке).

– **Знаешь, мне совсем не понравилось, как ты сегодня разговаривал с бабушкой** (ребенок нагрубил старушке).

– **Когда я вижу твою комнату в таком виде, мне прямо хочется плакать...** (сын опять устроил кавардак в своем жилище).

– **Меня раздражает, когда ты передразниваешь дедушку!** (дочка кривляется вслед обиженному старику).

Я-сообщение называется так потому, что в нем сообщается именно о **своих переживаниях**, в отличие от ты-сообщения, где взрослый указывает ребенку **на его** проступок или черту характера.

Опять-таки, сделать это предельно просто: нужно откровенно сообщить ребенку о своих чувствах. При этом, естественно, уточнив, что речь идет именно о его текущем проступке. А не о ребенке в общем. Ребенок (причем любой ребенок, даже самый «толстокожий») чрезвычайно остро воспринимает любые высказывания в свой адрес, просто потому, что его представление о себе формируется в первую очередь мнением окружающих. Такова уж природа детства: копировать, учиться и постигать, ориентируясь на реакции внешней среды. А самое авторитетное мнение для ребенка – это мнение его родителей. Как бы внешне ни был неприступен ребенок, но слово, сказанное мамой или папой, для него всегда является **ВАЖНЫМ СЛОВОМ**. И оценка ребенка его родителями **ВСЕГДА** влияет на самооценку ребенка. К ве-

ликому сожалению, не всегда положительно.

Обратите внимание: замечания в свой адрес ребенок воспринимает буквально!

То есть выражения:

1. Ты что, придурок?
2. Этого не понимает только полный идиот!
3. Ну ты и неряха!
4. Что из тебя вырастет?
5. В кого ты только такой удался?
6. Все нормальные дети...
7. Я так и знала, что ты все испортишь...
8. С тобой только опозоришься... означают для ребенка

следующее:

1. Я – придурок.
 2. Раз я этого не понимаю, значит, я самый настоящий идиот.
 3. Моя главная черта характера – неаккуратность, и это не исправишь.
 4. Раз уж папа говорит таким тоном, уж точно – ничего хорошего.
 5. Мама меня не признает, потому что явно я удался не в нее...
 6. Значит, я – не нормальный.
 7. Мама заранее знает, что от меня никакого толка.
 8. Со мной даже находиться рядом – стыдно.
- Давайте вспомним одно правило – у ребенка нет по-**

лутонов. Он видит мир либо белым, либо черным.

Ребенок может быть либо плохим, либо хорошим. Для него это два четко разделенных понятия. Хотя дети постарше и стараются ввести разграничение – вроде «сегодня я немножко плохой, а завтра буду хорошим». Но это разграничение – на уровне логики, а не эмоций. Эмоционально ребенок – экстремал: он или считает, что его любят все или что его ненавидит весь мир.

По этой причине оценивать ребенка в целом – крайне нежелательно. Вообще. Потому что даже положительная

оценка – это оценка. А любая оценка подразумевает условие. Пятерки же нам в школе ставили не за просто так. А значит, если сегодня я «хороший» и мама меня любит, то завтра я могу стать «плохим» и потеряю эту любовь. А для душевного здоровья ребенку необходима именно **необусловленная любовь**. Любовь без всяких условий – каким бы он ребенком ни был.

Если уж нам нужно высказать свое мнение (а наше мнение, кстати, ребенку также просто необходимо), то лучше его высказать именно по отношению к его поступку. Конкретному поступку. Причем начать лучше с я-сообщения, то есть выражения своих чувств. Затем я посоветовал бы разъяснить ребенку, почему именно этот конкретный поступок вам не нравится. Этим вы выстраиваете ему ориентиры на будущее, на которые он будет опираться в своих дальнейших действиях.

– Я так огорчилась, когда ты сломал пульт от телевизора... Теперь мы не сможем смотреть твоих покемонов, а я не увижу свою «Татьяну», пока папа не купит новый...

Как правило, эффект от такой воспитательной беседы будет гораздо большим, чем от обычных «разборок».

Я не хочу, чтобы создавалось впечатление, что с ребенком нужно постоянно сюсюкать, что на него ни в коем случае нельзя повысить голос и уж (не дай бог!) наказать. Со всем нет. Не только можно, но иной раз нужно. Разные бы-

вают дети. Разные поступки. Разные ситуации. Лишь совершенно рафинированный психолог, который видел детей разве что на картинках, может утверждать, что в жизни любые конфликты можно преодолеть с помощью легких в усвоении и приятных в применении методик. Жизнь всегда оказывается гораздо сложнее. И, если нам удастся относительно легко разругать одну ситуацию, это вовсе не означает, что так будет с другими проблемами.

Нужно быть внутренне готовым к тому, что иногда придется (хотя лично мне бы хотелось, чтобы никогда не пришлось) повысить голос, стукнуть кулаком по столу или даже вытащить на свет божий ремень. Может быть, до этого никогда не дойдет. И это будет очень хорошо. Возможно, вы вообще не одобряете такие методы. И это тоже прекрасно. Но, если разошедшийся ребенок не увидит в ваших глазах решимости – плохо будет вам обоим. Вам – потому что взрослый, которого заставил растеряться ребенок, миготом теряет свой авторитет в его глазах. Ему – потому что без авторитетного взрослого он лишается опоры – сильного, решительного и всемогущего родителя.

Раз уж мы заговорили о наказаниях, позволю себе несколько слов о таком древнем виде воспитания, как физическое наказание. Уже сколько копий сломали педагоги да воспитатели, великие и не очень гуманисты а-ля Руссо в спорах о том, что физические наказания – это анахронизм, дикость, что воспитательный процесс ни в каком случае не дол-

жен использовать такую мерзость, как ремень или розги. Даже ставить ребенка в угол – это преступление против его раннимой психики, а уж на горюх на колени – чистая инквизиция. Этого нужно избегать любым путем, поэтому изобретаются новые, прогрессивные методики воспитания, выдумываются все более эффективные средства контроля над ребенком, которые не подразумевают физического насилия. Только насилие психологическое. И порой мы искренне считаем, что получасовые психологические атаки на психику ребенка будут ему полезнее, чем шлепок по мягким тканям. Я не причисляю себя к великим гуманистам. Хотя, с другой стороны, не считаю себя и жестоким человеком. Однако к физическим наказаниям отношусь весьма спокойно. Не раз на своем жизненном пути я встречал ситуации, когда ремень оказывался самым безболезненным и эффективным средством. Именно ситуации. Единичные, когда другие методы убеждения не действуют. Но ремень ни в коем случае не должен становиться основным и постоянным инструментом воспитания. В то же время есть дети, в отношении которых физические наказания просто недопустимы. Впрочем, любой родитель увидит различие сам и, думаю, без проблем примет правильное решение.

Разговор о родительских злоключениях будет неполным, если не затронуть тему дисциплины. Казалось бы, дисциплина и общение – понятия далекие. Однако это только на первый взгляд. Не бывает хорошей, крепкой дисциплины без та-

кого же хорошего и крепкого контакта с ребенком. А это, само собой разумеется, вопрос эффективного общения.

Под дисциплиной могут подразумеваться самые различные вещи. Каждый родитель устанавливает свои дисциплинарные стандарты. Другое дело, выполняются ли они тем, для кого устанавливаются, то есть ребенком.

Как правило, дети охотно выполняют те поручения, в выполнении которых они заинтересованы сами.

Для этого в первую очередь нужно, чтобы требования к дисциплине были, по крайней мере, понятными ребенку. Согласитесь, одно дело сказать:

– Не смей подходить к озеру!

И совсем другое – объяснить ребенку, почему этого делать нельзя. Конечно, гарантировать, что после наших объяснений ребенок ни за что не станет топтаться по берегу, никто не сможет. Однако запрет будет воспринят ребенком более лояльно, и вероятность того, что запрет будет нарушен, значительно уменьшится.

Естественно, мотивировать можно только те запреты, которые действительно необходимы. Если мы сами не можем объяснить ребенку, почему же мы запрещаем ему что-то делать, то стоит задуматься, а надо ли вообще это запрещать. Понятно, что иной раз проще сказать «нет», чем разрешить «на свою голову» и с тревогой наблюдать, как бы чего он опять не натворил. Итак, **запреты должны быть разумными и мотивированными**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.